

СПИВАКОВ УЖЕ В МОСКВЕ

КРИТИК: “Мы сможем видеть его чаще”

В Москве выступает Владимир Спиваков со своими “Виртуозами Москвы”. Всегда долгожданные — есть в этом словосочетании некий парадокс, не правда ли? Да ведь нечасто “Виртуозы” нас посещают. И при первом же выходе Спивакова на сцену Большого зала консерватории публика, еще ничего не услышав, начала аплодировать ритмично, будто уже требуя бисов.

Скоро мы будем видеть Спивакова чаще: он согласился занять должность художественного руководителя и главного дирижера Российского Национального оркестра, сменив на этом посту создателя РНО Михаила Плетнева.

Прошу прощения у “Вивальди-оркестра”, “Солистов Москвы”, “Музыки вива”, “Московии” и всех других наших камерных образований. Но те, кто был “отравлен” когда-то оркестром Рудольфа Баршая, с трудом выдерживают его сегодняшних братьев меньших. И, пожалуй, лишь всеми ветрами битые “Виртуозы” (сколько было разговоров, что они распались!) мановением волшебной палочки Спивакова время от времени материализуются из воздуха и как ни в чем не бывало подтверждают свое высокое реноме.

За два дня физического присутствия в Москве они дали три концерта — если считать и открытую репетицию в лучших традициях наших великих музыкантов. Сам Спиваков трижды солировал во Втором скрипичном концерте Моцарта, все три раза — по-разному. Но его невероятно теплый, старомодный звук, секрет которого, по крайней мере, у нас, почем-то утерян (по лени? неподобству? самоуверенности?), напоминал о временах, когда и старики еще не умерли, и молодые не разбегались.

Потрясающее впечатление в первый день произвел баритон Сергей Лейферкус в “Песнях и плясках смерти” Мусоргского. Лейферкус бывает в Москве не чаще Спивакова — вот и теперь на следующий же день он поспешил в Венскую оперу: петь в “Пиковой даме” вместе с Горчаковой и Доминго. В Мусоргском он вновь показал себя не только как выдающийся певец, но и как редкий на оперных подмостках Артист. Такие давненько уж не воляются на наших сценах. Его выступление, пожалуй, затмило в этот вечер все, и остается лишь удивляться, что Спиваков, чье честолюбие глупо было бы подвергать сомнению, не побоялся частично оказаться в тени.

Впрочем, за эти два дня Владимир Теодорович вновь утвердился во мнении публики как неподражаемый. Наивность, чистота и славянская искренность Дворжака оказались подвластны ему равно как и романтические порывы Элгара. А пять Прелюдий Шостаковича (из шлягерных) в тактичной обработке Виктора Полторацкого, прозвучавшие с шекспировской тонкостью и силой, действительно заставили вспомнить баршавцев: Рудольф Борисович не устал покусаться на шедевры, изначально для камерного оркестра не предназначенные.

Зато заигранная всеми музыкантами мира “Маленькая ночная серенада” Моцарта привычно сверкнула медалью, которой публика была удостоена за горячий прием.

По опросу слушателей “Радио-1”, вещающего на весь СНГ, Спиваков признан музыкантом года. Понятно, что завистники как не прощали, так и не простят Спивакову всенародного признания, таланта, благополучия. Правда, пальму первенства в качестве жертвы зависти держит у нас пока, пожалуй, Михалков. Ну, хоть тут Спиваков второй, а не первый среди равных.

САМ: “Времени не хватает только бездельникам”

— Состав “Виртуозов Москвы” меняется?

— Я попробовал практически несоединимые вещи — собрать в одно музыкантов, живущих в Испании и в Москве. И не достиг результата. В начале будущего года состав еще более омолодится. Оркестр будет в Москве. На некоторое время уйдет в работу, а затем выступит в новом качестве.

— Как вы восприняли предложение Плетнева принять на себя роль художественного руководителя и главного дирижера Российского Национального оркестра?

— Воспринял не сразу. Но с пониманием. Когда много дирижуешь — руки деревенеют. Это физиология. Миша однажды после дирижирования не мог сыграть Концерт Гайдна.

— Когда приступите?

— Сезон я открою в сентябре с оркестром Ла Скала. Но уже в начале сентября буду в Москве, встречусь с администрацией РНО. Есть болевые точки, но это не значит, что я собираюсь выгонять людей. Начну работать с оркестром. Не понравится — ну что ж, это же не венчание в церкви... РНО я несколько раз слышал в записи, один раз — на концерте. Оркестр хороший. Надеюсь, что не испорчу. Я хочу (может быть, так и было задумано, но не произошло), чтобы он стал народным. Надеюсь, что найдутся добрые люди, которые помогут ему ездить по России.

— “Виртуозы Москвы” войдут в состав РНО?

— Я не собираюсь интегрировать “Виртуозов”. Эта ложная информация в прессе (кто-то выдал свои мысли за мои) внесла большую нервозность в человеческие души — о них-то журналисты и не подумали. Но будет отбор, серьезная работа. Думаю, что без помощника не обойтись. Но я и сам работать умею, это моя страсть. А времени не хватает только бездельникам.

— Скажите, у нас действительно кризис творческих личностей? Кажется, Губайдулина заметила, что “мы — на обочине музыкального процесса”, и не Россия определяет музыкальную картину мира.

— Я так не думаю. Даже чисто статистически: к наиболее исполняемым в мире относятся Чайковский, Стравинский, Рахманинов, Шостакович, Прокофьев, Пярт. Я вижу такое количество талантов в России и СНГ! Просто государство не до них. Политики сейчас — при полной амниции и думают только о себе. Недавно мы с Ростроповичем играли в Бостоне и стали свидетелями праздника выпускников всех университетов — это сильная церемония! И я подумал: вот Америка создает нацию. Здесь я этого не чувствую. Но я хочу участвовать в этом процессе. Поэтому существует мой фонд.

— Чем отличаются русские оркестранты?

— У нас в консерватории готовят только солистов. И игра в оркестре для них — только “обязаловка”, как и в квартете. Вот в школе Меньухина дети играют в квартетах, помогают друг другу. У нас нет этого навыка, надо его прививать.

— Чем отличается для вас публика разных стран?

— Я сейчас довольно много играю во Франции, и публика стала относиться ко мне теплее, хотя она там довольно снобская. В Америке неплохо складывается. В Японии уж очень все организовано. Даже трудно. Иногда кажется, что играешь в пустом зале. Аплодисменты там мгновенно стихают. Но, конечно, такой любви, как здесь, нет нигде. В России — обостренное чувство прекрасного, желание услышать, увидеть, ощутить, “потрогать” его. Это буквально социальное явление. И я не вижу себя вне этого.

— У вас на концертах публика сидит на сцене.

— Это бесплатные места. (Пожарники, правда, протестуют — а они главные люди после секретарей и депутатов.) Пока всех не запустим, концерта я не начинаю. В Грузии Шеварднадзе так и не пришел на концерт, потому что я пустил в зал человек двести студентов, и его охрана была этим очень взбуряжена... Какая же у нас гигантская дистанция между мыльным пузырем и народом!

Его жена Сати — умница и красавица. Очередной предмет зависти, любимой мазохистской забавы постсоветских граждан. Ее полное имя — Сатеник; закончила музыкальную школу как пианистка и ГИТИС как драматическая актриса. Родила Спивакову трех дочерей. Его главный судья и ангел-хранитель. Редкая жена великого человека обладает обоими этими качествами, оставаясь к тому же еще и легкой, веселой подружкой. Случайно ли свела их судьба или мощно благоволила к тому и другому?

**РУБЕЖИ
ПЯТИЛЕТКИ**
Международному
благотворительному
фонду
Владимира
Спивакова
исполнилось 5 лет

1500 детей получили материальную и гуманитарную помощь

500 концертов дано в городах России, странах СНГ и за рубежом

250 человек стали стипендиатами Фонда

7 зарубежных стран и **5** консерваторий России приняли на учебу стипендиатов Фонда

72 инструмента (рояли, скрипки, виолончели, гобои, кларнеты, флейты, саксофон, гитара) подарены музыкантам

56 человек на средства Фонда прошли медицинские обследования и сложнейшие операции

Стипендиаты и участники программ фонда играли на международных фестивалях в Италии, Германии, Франции, Швеции, странах СНГ и Балтии; в “Родественском” и “Петербургских сезонах” в С.-Петербурге, в “Московских звездах” и “Русской зиме” в Москве

Фонд является одним из организаторов и постоянным участником Международного музыкального фестиваля в Кольмаре, Франция (артистический директор — Владимир Спиваков)

Полосу подготовила
**Наталья
ЗИМЯНИНА**

ЖЕНА: “С Володей я в своей тарелке”

— Володя всегда удивляется, как это я могу в маленьком гостиничном номере спать под его занятия. В этом году в мой день рождения мы оказались в Будапеште, шел дождь со снегом, я прикорнула в кровати с книжкой, а он, в полуметре от меня, четыре раза сыграл Концерт Брамса и дважды — Прокофьева!.. Я как ребенок, который привык к каким-то звукам еще в утробе матери и всю жизнь возвращается к ним, как к родным.

Ведь мой отец Зарз Саакянц был, как и Володя, учеником Янкевича, играл в первом составе Баршавского оркестра. А в 1962 году — в год моего рождения — создал первый в Армении Государственный камерный оркестр. Мама работала у него клавишницей. Так что я с детства знаю всю эту муштру, таскание с папой по гастроям, сидение на репетициях. С Володей я в своей тарелке. Кто знает, как сложилась бы жизнь, если бы я стала актрисой.

До знакомства со Спиваковым я много снималась. И когда в 1983 году “Виртуозы” впервые приехали на гастроли в Ереван, папа пригласил их к нам домой, и Володя увидел на стене весь этот иконостас — мама собирала кадры из фильмов с моим участием. Позже он рассказывал мне, что внутренний голос тогда шепнул ему: “Это — твоя жена”, а он ему ответил: “Да пошел ты...” Но отца он тогда спросил: “Почему ваша дочь живет в Москве и никогда не приходит на мои концерты?” — “А ее никто не зовет...”

О “Виртуозах Москвы” у меня было некоторое поверхностное представление. Я видела их по телевизору в новогоднем “Голубом огоньке” — это была какая-то легкая пьеса, где Володя солировал на скрипке.

Но папа после той их встречи в Ереване позвонил мне и сказал: “Мы с мамой просто переживаем вашу молодость — какой потрясающий ансамбль, какие новые миры мы для себя открыли!”

Вскоре в Москве меня пригласили в Большой зал консерватории на Володин концерт с “Виртуозами”. Теперь, когда я знаю, как распределяются билеты, я понимаю, что была не самым важным гостем: место мне дали в 22-м ряду. Но после концерта я под большим впечатлением все-таки зашла в артистическую...

Как бы я хотела испытывать теперь на Володиных выступлениях то, что испытала тогда; то, чем всегда наслаждается его публика! Но не могу: его выступления для меня — мука. Всю дорогу, которая ведет его к концерту, я прохожу с ним. Для музыканта, если у него есть профессиональная совесть, нет легких концертов. И никто не может знать, получится задуманное или нет. Художник пишет картину: не понравилась — задвинул ее за холодильник, и все. А музыкант — как сыграл, так и сыграл. Поставил бисом точку, как подпи-

сая. У всех на глазах, публично. Зная, чего желает на концерте Володя, я очень переживаю, если что-то не клеится. Какое уж тут удовольствие.

Сам он человек предельно выдержанный, но очень беспокойный. Я бы сказала, что при всем внешнем идеальном самообладании он — мятущаяся душа. Но чем сложнее ситуация, тем жестче он властвует собой.

Отец мой умер от инфаркта — говорил, что так и не оправился от предательства людей, с которыми работал. “Я был с ними слишком запанибрата”, — объяснял он. “А вот Володя иначе строит свои отношения с оркестрантами”, — сказала ему я, и он только прищурился: “Твой Володя пять лет руководит “Виртуозами”, а я со своим оркестром прожил четырнадцать. Если бы ты через четырнадцать лет могла бы повторить про Володю то же самое, я бы сказал, что он знает какие-то недоступные мне секреты общения”.

Дня не проходит, чтобы я не вспоминала его слова. Сейчас “Виртуозам Москвы” уже 20 лет, и Володя все-таки проходит через рифы, которых не миновал мой отец. Но при нем всегда “охранная грамота” — его собственная скрипка: ведь его и как солиста везде принимают и понимают.

Я думаю, что выбор Плетнева неслучаен. Вообще все было так. Михаил Васильевич сам позвонил нам в Бостон. После разговора по телефону Володя растерянно говорит: “Зовет меня главным дирижером...”

Потом довольно долго длилось обдумывание, и в курсе дела были только Плетнев, Спиваков и я. Но теперь я уже уверена в Спивакове: недавно в Будапеште я с пристрастием слушала, как он дирижировал Шестой симфонией Чайковского. Сколько же он там всего напридумывал!

А с Плетневым мы месяца полтора назад случайно встретились в Дюссельдорфе, и я просидела с ним во дворе гостиницы полдня. И просто влобилась: мне так было интересно его слушать, у него такое незаурядное мышление. Все говорят, что он малокоммуникабельный. Я же давно не встречала человека более толкового и настоящего. Потом мы еще с ним и Володей до четырех утра говорили о Национальном оркестре. Плетнев — человек, на которого совершенно невозможно повлиять в его решениях. И он сейчас хочет уйти не только в сольное исполнительство, но и, главным образом, в композицию, которую считает своим главным призванием.

Володю как нового руководителя Российского Национального оркестра ждут, конечно, нелегкие испытания. Он и без того очень много работает. И как его соберечь — я не знаю. Только работой и уходом не сбережешь человека, который жжет себя с

двух концов. Мне кажется, он восстанавливается только на концерте. Как он сам любит говорить, это — “концертотерапия”.

Что такое наш отпуск? Обычно он назначается на август. Потом сокращается с начала, потом — еще и с конца... Сморщивается, как шагреневая кожа. Со скандалом выходит неделя три.

Причем отдых — это что? Это значит — предельно хорошо организованные занятия на скрипке! Все в доме подчиняется фирменному режиму Спивакова. С обязательным прослушиванием репертуара. Нам с детьми устраиваются выходы на пляж зачастую с нотами и наушниками. Все кругом купаются, загорают, пьют, играют в мяч. Спиваков, намазанный от ожогов маслом, как бутерброд, сидит с партитурой и размахивает руками. Все это происходит в каком-нибудь “диком” месте во Франции, где люди не знают его в лицо, поэтому нас обходят стороной; пляж полон, а вокруг нас — кружок. Он поплавает в море минут восемь — это выполняется как повинность — и говорит: “Я — домой! Кто со мной?” Пешком никому ташиться по жаре неохота, приходится ехать с ним на машине. Правда, вечером, даже ночью он любит погулять. Мне все равно с ним очень интересно, хотя нормальному человеку так проводить отпуск было бы просто скучно.

Увлечений у него немного. Любит живопись — обожает лежать полчаса и листать альбом или какой-нибудь каталог аукционных продаж. Книги читает быстро, подчеркивает, оставляет в них закладки... Когда-то он занимался боксом. Теперь завел себе гантели, но они вот уже два года пылятся. Раза два в год мне удается вытащить его в кино. Недавно смотрели в Париже “Цирюльника”, оба плакали.

Единственный человек, способный вить из него веревки — наша младшая дочь Анечка. Кате скоро 15, Тане 11, а маленькой — четыре с половиной. Я разрываюсь между ними и Володей. Он же больше недели нигде не задерживается!

Девочки с моей мамой живут в Париже. Старшие ходят в хорошую французскую общеобразовательную школу и в районную музыкальную: Катя играет на рояле, Таня — на флейте. Причем у Кати — отцовские выдержки, самообладание. Но мне кажется, музыкантов из них не получится, у них нет к этому такого стремления, как у Володи. А он, какие бы у него ни были важные концерты, гастролы, говорит: “Как мне все надоело, хочется сесть с Анечкой, обнять ее...”

А у меня, только когда Володя дома, мысли выстраиваются. А когда в квартире никто не играет на скрипке, я не знаю, куда себя деть, и впадаю в панику.